

Валерий Шерстобитов, Валерий Нетребский
Переулок Нечипуренко
(Авчинниковский), 14,
и его обитатели



Длинный трехэтажный жилой дом (архитекторы С.А. Ландесман и В.И. Кундерт) со старинными каменными тумбами по обе стороны ворот, чугунными винтовыми лестницами в парадных да небольшим квадратным двором.

В 1874 году участок имел адрес Авчинниковский пер., 14-16, состоял в квартале II Бульварного участка и принадлежал Эгизу.

В 1898 году участок имел адрес Авчинниковский пер., 14 / Троицкая ул., 50, и принадлежал Д. Котляревскому.

Когда Валерий Петрович Нетребский начинал работу над книгой «Аура переулков Одессы», и в частности, над историей Авчиниковского переулка, на него нахлынули воспоминания. Дело в том, что он жил в Авчинниковском переулке, № 14, еще... до своего рождения. А было это так.

«Находясь в эвакуации и узнав об освобождении Одессы, моя мать, одесситка в четвертом поколении, немедленно отправилась в родную Одессу. Но тогда «самовольное оставление места работы» квалифицировалось почти как преступление, усугубляемое беременностью, то есть мною. Прописку не давали, но удалось поселиться в общежитии пищевиков на втором этаже дома, в котором жили автор романа «Двор» Аркадий Львов и его герои. Но нагрязнула «проверка паспортного режима». Затем бегство, и я родился на другой конспиративной квартире.

Прочтя роман «Двор», я решил, что меня «пропустили», и обиделся на тов. Львова, пока не увидел содержащиеся в докладе тов. Дегтяря положения: «Сознание людей имеет свойство отставать от нашего бытия, – а далее и вовсе обо мне: – Бывают дети с двумя головами, бывают телята с двумя туловищами». Все сказанное вынудило меня заняться поисками «коллег» по двору, которые успели родиться раньше меня и вкусить все прелести периода под кодовым названием «жить стало лучше, жить стало веселей». И чтоб уж совсем было весело, я упросил Валерия Шерстобитова, с которым меня связала судьба».

Но вернемся во «Двор» к тов. Дегтярю, проживавшему в квартире № 8. На самом деле его звали не Иона Овсеич, как в романе, а Борис Маркович, и до начала революции реальный Дегтярь делал памятники на кладбище, а после, будучи художником, рисовал плакаты в ЧК. Об изъянах западной демократии тов. Дегтярь в присутствии дворовой общественности высказывался довольно определенно: «Нам говорильня не нужна, здесь не английский парламент... держите, высокочтимый спец, свое мнение



Борис Маркович Дегтярь с семьей. 1950-е годы

подальше при себе». Дегтярь попал в окружение под Волоколамском, но вышел, и после войны возглавил «Двор», да так, что мадам Малая с полным основанием заявила: «За тридцать пять лет все привыкли, что Дегтярь железный».

Нам удалось встретиться с внучкой Дегтяря Еленой Федоровной, проживающей на поселке Котовского. И она рассказала, как дед трудился не покладая рук, напояла его любимое изречение: «У трудящихся на руках всегда больше денег, нежели они могут израсходовать». Как удавалось скопить денег под надзором Дегтяря, нам рассказал его сосед по коммуналке (квартира № 8), один из основателей КВН журналист Валентин Крапива: «По своему статусу я дважды аркадиельвовец. Мало того, что живя через стенку от Дегтяря, я был соседом по двору Дусика Бинштейна, будущего писателя Аркадия Львова. В придачу Львов был моим учителем по труду в школе № 58 (бывшая гимназия Иглицкого), а моя бабушка Александра Георгиевна Сорокина дружила с Дегтярями, с мадам Малой, за ней ухаживал Мишка Япончик, который хаживал в наш двор. Что же касается денег, то у нас с Дегтярем был общий коммунальный балкон, а на нем тумбочка. Далее можно не продолжать...»

Имея Крапиву в качестве соседа, тов. Дегтярь вывел и объявил во дворе основной постулат политэкономии, годящийся и для нынешних реформаторов: «Политэкономия – такая вещь, что на полном ходу лучше не прыгать: не только без ног, без головы можно остаться».

Управляющим при Котляревском состоял г-н Борух Абрамович Ага, неоднократно упоминаемый в романе. Имея квартиру из десяти комнат, он предусмотрительно самоуплотнился, дабы за него это не сделали другие. По совместительству в досоветское время он владел скромным мануфактурным магазинчиком на Дерибасовской. У Б.А. Ага от супруги Эстер родились сыновья Сема (погиб в 1916 г.) и Миня и дочери Бибит, Шура, Мила, Анна (Савускан); Нодея, последняя дочь, стала мамой будущего преддомкома в доперестроечное время В.М. Эрака. Сохранилось и свидетельство об окончании восьмого общеобразовательного класса Одесской женской гимназии С.А. Гирш-Брам и Е.А. Висковатой





Нодея Боруховна Ага-Эрак

Нодеи Боруховой Ага-Эрак, мамы Виктора Михайловича, работавшей в ряде медучреждений Одессы.

После установления советской власти в Одессе хозяин дома г-н Котляревский отбыл куда подальше, а оставшиеся жили воспоминаниями и надеждой. Но свято место пусто не бывает, и в бывшем доме Котляревского появился Кожпромсоюз, объединявший работавших на разных мелких предприятиях этого профиля – «Трудкисть», «Селькожух», «Шорнотруд» и в обувной артели с обнадеживающим названием «Прочный ход»...

Виктор Михайлович Эрак, и ныне проживающий здесь,

показал несколько редких документов его предков: паспортную книжку своего деда по линии отца инженера Ильи Иосифовича Эрака (1860-1934 гг.), который на ул. Базарной, 33, открыл строительную фирму, просуществовавшую до поголовной национализации, до середины 20-х годов.

У Виктора Михайловича сохранился документ прапрадеда по линии матери Авраама Лазарева Ага, удостоверяющий, что его и «...супругу Мельке Боруховою с детьми Эстер и Анною Авраамовыми в сословии почетных граждан со всеми правами и преимуществами манифестом сему сословию дарованными».

А вот его внук Барух Абрамович Ага (1852-1920 гг.) – потомственный почетный гражданин, окончивший Императорский Новороссийский университет, управляющий торговой фирмой братьев Котляревских, и был некоторое время (до ВОВ) преддомкома дома № 14.



Отец Владимира Михайловича Михаил Ильич Эрак (1903-1986 гг.) был примусником-медником (в начале XX века в Одессе возникла целая индустрия ремонта примусов, их починка была делом мастеров высшей квалификации. – О. Губарь), но не простым, а мастером на все руки сначала на Греческой угол Красного переуллка, затем на улице Пушкинской, 73. Участник ВОВ, не пропускавший ни одного значимого события в культурной жизни Одессы: будь то премьера спектакля, фильма или концерта. Его брат Гелель Ильич Эрак, тоже участник ВОВ, был женат на Лидии Пастернак – племяннице Бориса Пастернака.

Наш собеседник Виктор Михайлович, потомственный железнодорожный строитель, по-прежнему в свои солидные годы ведет активный образ жизни, совершая ежедневные прогулки на велосипеде, участвует в шахматных турнирах. Ему повезло: у него двое детей, четверо внуков и семь правнуков, но ждет восьмого – чтоб дать ему свое имя... Пожелаем ему



Михаил Ильич Эрак

взять стодвадцатилетнюю жизненную вершину.

Его прапрадед по отцовской линии Иосиф Исакович Эрак (1832, Константинополь, – 1896, Одесса) был поэтом и известен своими стихотворениями светского характера на караимо-турецком языке. В 1888 г. Академией наук в С.-Петербурге был издан сборник «Турецкий перевод избранных стихотворений русских поэтов». Туда вошли произведения А. Пушкина, М. Лермонтова, И. Крылова, Г. Держави-



Виктор Эрак с мамой Нодеей Борисовной Ага-Эрак. 1939 г.



Виктор Михайлович Эрак

на, В. Жуковского. Наиболее известна трагедия «Дина», подлинная история дочери патриарха Иакова, – образец первого светского драматического произведения караимов, изданный дважды: в 1896 г. на караимо-турецком языке и в 1911 г. на русском.

Но вернемся к роману «Двор». В романе упоминается также мадам Ага, караимка, принимающая активное участие в общественно-политической жизни двора. Речь идет о проживавшей в квартире № 15 Анне Борисовне Ага (в замужестве Савускан, 1897-1954 гг.), которая доводится В.М. Эраку тетей. Какие люди! С ними горы свернешь!

В предвоенные годы внимание дворовой общности было привлечено к строительству на месте бывшей прачечной пионерского форпоста. Трудно было предположить, что спустя более чем восемьдесят лет в таировской «клюшке» мы встретимся с участником строительства форпоста, а затем и его главным активистом Л.С. Варгафтиком. Леонид Семенович рассказал:

«Мой отец Семен Харитонович до революции был ювелиром, он участник финской и Великой Отечественной, ранен под Волоколамском. Моя мать Дина

Мироновна, получившая третью премию на строительстве форпоста, умерла в 1959 году. Мы жили в коммуналке № 15, и я, пройдя школу форпоста, мог смело трудиться... заведующим магазином № 28.

Именно Дине Варгафтиков. Дегтярь сделал одесский комплимент: «Будь здорова, Дина. Я гляжу, за последнее время ты заметно поправилась. У нас в Одессе это неплохая реклама». Впрочем, Дина не осталась в долгу: «Можно подумать, что мы живем не во дворе, а где-то в диком лесу». Но и тов. Дегтярь не лыком шит: «А кому не нравится, существуют инстанции, где помогут разобраться».

Картину дворовой жизни дополнил старожил Анатолий Никитич Целиков – дворовой заводила и некогда завтанцами в Доме офицеров, проживавший в квартире № 6: «Я помню, как бандит Арончик лазил по карнизу третьего этажа, а над форпостом жил Изя по кличке Мама Сделай Чай. Именно эти слова он каждые несколько минут истошно прокрикивал с балкона». Но особенно ценны воспоминания А.Н. Целикова об уполномоченной Осоавиахима мадам Малой из квартиры № 5: «Она была похожа на Долорес Ибаррури. Помню, что взносы в МОПР (Международную организацию помощи революции) она умудрялась выколачивать даже с грудных младенцев». Ведь в боях с контрреволюцией супруг Малой Борис Давидович «в 19-м году потерял левую руку и полноги (!)».

И сегодня, спустя четверть века после кончины Клавдии Малой, жильцы вослед за Аркадием Львовым воспроизводят цитаты: «Павлик Морозов! Он не думал про грыжу (?)». «По-



Анна Борисовна Савускан

лучается, сегодня мы от коммунизма дальше, чем пятнадцать лет назад». Тов. Дегтярь заявил Малой: «Клара Цеткин тоже была большой человек, но она говорила меньше тебя». Хотя мадам Малая частенько приbedнялась: «Старуха Малая имеет право немного отдохнуть», – но до последнего дня вкалывала по общественной линии, и жильцы говорили: «Мадам Малая – где она, тогда всегда и везде будет порядок». Последнее замечание связано с тем, что именно Малая добилась в день выборов открытия в форпосте буфета: «Отпускались чайная колбаса, свежий салат из картофеля



Семен Харитонович и Дина Мироновна
Варгафтики. 1950-е годы

и бурака на подсолнечном масле». Когда выяснилось, что сеledки, если отпускать по кило, на всех не хватит, мадам Малая распорядилась «давать в одни руки две штуки, не больше».

Ныне в квартире № 16 проживает г-н Ефим Малый, отрицающий родство с мадам Малой, а ранее в этой квартире жил доктор Семен Ланда, заведовавший хирургическим отделением больницы на Троицкой. Впрочем, общественность двора своевременно узнала, что родители Ланды «держали мануфактурный магазин», но Ланда отнекивался: «Лично я и мой брат Борис Александрович всегда говорили отцу, что этот магазин ему нужен, как горбатуму горб». У Ланды есть два сына, Леня и Илюша, которые, по утверждению жильцов, «став хирургами, поссорились из-за серебряных ложек». Впрочем, в доме помнят как врачебное искусство Ланд, так и слова тов. Дегтяря: «Я думаю, там, где еще бессильна медицина, имеет достаточную силу общественность». Когда 5 февраля 1974 года



Аркадий Львов

в возрасте восьмидесяти двух лет тов. Дегтярь умирал от аппендицита, медицина была бессильна, а общественность... «скинулась по рублику».

Зато остались проникновенные слова мадам Гизеллы Ланды о своем супруге: «Он такой же кровный сын этого двора, как и его соседи». В этой же самой квартире № 11, что и до войны, проживал служащий стройакадемии А.С. Хомицкий. Анатолий Степанович

рассказал: «Отец и мать умерли в 1982 году с интервалом в полтора месяца». Феодора Хомицкая служила дворником, а Степан – водопроводчиком. По поводу неправильной эксплуатации жильцами дворового крана Степан изрек: «У нас, в бригаде Григория Ивановича Котовского, ставили, где надо, часового, так, может, и нам у дворового крана поставить часового?». Впрочем, тов. Дегтярь счел хохму неуместной и, сославшись на гениальный труд тов. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», объявил жилфонд, туалеты, краны дворовыми атрибутами.

Бдительная общественность установила, что при румынах Тося Хомицкая «держала на Привозе молочный ларек». А в том, что «бдительность – наше оружие», убедились на печальном примере бывшего красного партизана Иосифа Котлермана (в романе – Котляр), который схлопотал двадцать пять лет, будучи уличенным в чудовищном злодеянии – слушал по радио «Голос Америки». Оба сына Иосифа – Пиня и Саша – погибли на фронте, а дочь Ира эмигрировала в США из квартиры № 11.

Осталось побывать в квартирах, где жил Аркадий Львов. Оказывается, для того, чтобы наблюдать жизнь «Двора» с разных сторон, Дусик с сестричкой Ривой сменили во дворе парочку квартир.

Старожил Нина Емельяновна Смараглова, работник инспекции пробирочного надзора, поселилась в квартире № 15

в 1942 году и рассказывает: «Именно в моей квартире родился будущий писатель. Это был шустрый пацан, уже тогда с коммерческими задатками: торговал почтовыми марками, тогда как остальные обменивались».

После войны Аркадий Львов проживал в квартире № 23, затем здесь проживала до 1997 года врач-окулист Елена Антоновна Трандасир.

Вспоминал главный литературовед Одессы Александр Розенбойм:

«Спустя многие годы все они и другие соседи собрались вместе... под одной обложкой, потому что, как оказалось, рыжий Аркаша Бинштейн – Львов, сын фрезеровщика и портнихи из 23-й квартиры, не только, подобно своим ровесникам, собирал марки, читал «Три мушкетера» и бегал купаться на Ланжерон, но еще брал в голову все, что уразумел самостоятельно, видел и слышал



Слева направо: А. Михайленко, Е. Голубовский, А. Розенбойм, С. Осташко, В. Голубовская. А. Львов, А. Креймер во Всемирном клубе одесситов

дома, во дворе, в тихом Авчинниковском переулке и в тенистых аллеях близлежащего Александровского проспекта, уже переименованного в проспект Шмидта.

А в 1972 году он, тогда уже достаточно известный прозаик Аркадий Львов, написал роман о жизни нескольких поколений одесситов и назвал его «Двор», поскольку одесский двор – это не просто окруженный флигелями участок земли, но самобытное явление или понятие, к сожалению, постепенно размываемое временем.

Только «Двор» оказался тогда явно «не ко двору», и об напечатать его у нас не могло быть речи. Когда же через четыре года автора буквально вытолкнули из страны, переведенная на микропленки рукопись романа вместе с ним оказалась за железным занавесом, где была опубликована на разных языках. И только в 1992 году, когда роман вышел в московском издательстве «Художественная литература», его герои возвратились в свой двор, что в Авчинниковском переулке».

Рассказывая о людях, населяющих двор, А. Розенбойм отмечал:

«А со стороны переулка располагался химико-бактериологический кабинет, другими словами, выполнявшая анализы лаборатория, коих в Одессе 1910-х годов насчитывалось несколько десятков. Но женщин-врачей тогда, не в пример нынешним временам, было очень мало, и им принадлежали только два таких кабинета, один из которых открыла в Авчинниковском переулке Розалия Абрамовна Маргулис-Киссер. Она была еще специалистом по женским болезням, по каковой специализации принимала больных два часа в день, но, поскольку жила в этом же доме, то за первой помощью к ней, конечно, можно было обратиться и в другое время. Соседом мадам Маргулис-Киссер по дому № 14 был зубной техник В. Хмельницкий – «каучуковые и золотые работы, мостовидные протезы, коронки – заказы исполняются аккуратно и добросовестно». Постоянно бывал в доме Котляревского и известный врач-педиатр А.О. Гершензон, но это вовсе не было связано с его частной практикой, а имело более общественно значимую причину, так как он стал первым председателем правления нового общества (Общество попечения о бедных и бесприютных

еврейских детях, учрежденное в 1899 г. с целью «дать приют бесприютным детям и отстранить от них случайное влияние улицы». При этом общество не только напрямую помогало детям, но и старалось проявлять заботу о многодетных малоимущих семьях, в частности, подыскивало работу родителям и другим взрослым членам таких семей. Общество имело свой интернат, столовую, мастерскую для занятий рукодельем, но в самую первую очередь открыло в доме № 14 по Авчинниковскому переулку дневной приют, где, как писал современник, «дети, помимо материального пропитания, получили бы первые элементы нормального умственного и нравственного воспитания»), в котором были люди разных сословий, рода занятий, общественного и имущественного положения, но одинаковой щедрости и благородства души: служащий Коммерческого агентства Юго-Западных железных дорог Семен Яковлевич Гольд, жена врача-рентгенолога Елизавета Львовна Розенблат, купец второй гильдии Михаил Моисеевич Фишеревич, сестра председательницы еврейской дешевой кухни для бедных Вера Осиповна Островская, присяжный поверенный Иосиф Абрамович Рабинович, купеческие дочери Надежда и Эрнестина Сакер, Фанни Соломоновна Шпенцер – жена преуспевающего владельца крупной типографии





Моисея Шпенцера, мать поэтессы Веры Инбер и родная тетка ученика одесского реального училища, а потом заключенного одесского же тюремного замка Льва Бронштейна. Этого племянника мадам Шпенцер, наверное, можно было и не вспоминать, если бы он под фамилией своего тюремного надзирателя Троцкого изрядно не поучаствовал в раздувании того пожара, который, к его вящему неудовольствию, не разгорелся в мировом масштабе, но успел уничтожить многое из того, что было достойно лучшей участи в стране, в Одессе и в Авчинниковском переулке».

На прощанье преддомкома В.М. Эрак сказал:

– У нас во дворе всегда помнят бессмертные слова товарища Дегтяря: «Здесь чересчур быть не может – лучше десять раз ошибиться, чем один раз проворонить». Проживание продолжается! Герои Львова, как говорят в Одессе, среди тут.

Весной 2021 года стену одноэтажного флигеля двора дома № 14 украсил мурал в честь романа «Двор» и его автора.

Автором настенного полотна стала одесская художница Леся Верба, которая подарила его городу перед отъездом в Нью-Йорк. При выполнении мурала автор консультировалась с Евгением Голубовским, обсудила с ним концепцию произведения.

На создание мурала ушло несколько дней, а расходы на материалы в качестве подарка городу, в котором она прожила десять лет, взяла на себя сама художница.

Теперь с легкой руки Леси Вербы посетители дома по Авчинниковскому (Нечипуренко) переулку будут знать, что здесь когда-то жил писатель Аркадий Львов, автор романа «Двор». Но, наверное, было бы правильней, чтоб об этом знали не только посетители двора, но и те, кто проходит рядом с домом и, остановившись на минутку возле ворот, они смогли бы прочитать на мемориальной доске: *«В этом доме жил и творил одессит, автор романа об Одессе «Двор» Аркадий Львов (9.03.1927 – 2.11.2020 г.)»*.

Все цитаты по изданию: Аркадий Львов. «Двор». – Москва, «Художественная литература», 1992 г.

